

Сергей Куклин

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ И ОБНОВКИ

рассказ

Ясный июньский день незаметно переходил в тёплый вечер, однако совместно решили, что пока заканчивать с бурением не стоит, и для полного ощущения удачи придётся пробурить ещё одну, последнюю скважину здесь, в тихом шахтёрском городке Осинки, а потом рулить на ночёвку в соседнее Черново. Там ожидает покой в квартирке-ночлежке, с недоеденным вчерашним супом в холодильнике и пятками, вымытыми по очереди в слегка проржавевшей ванной. Чтобы утром двигать на Горный Алтай для других дел, а не маячить по территории Кузбасса, нужно тут растопыриться и извлечь на поверхность пробы пород для здешних добытчиков. Задумали они открытым способом уголь выгребать вместо смертоубийственной шахты.

Так и оказался на окраине Осинок пожилой геолог Андрей Петрович Земцов со своими молодежавыми сообщниками – бурильщиком Витей и геодезистом Митей. События крутились резво, словно буровая труба. Это их сблизало, безусловно. По должному порядку на буровой должны ишачить два работяги: бурильщик за рычагами и помощник на подхвате с трубами, ключами и другими нужными делами. В новые времена начальство сэкономило на всём, и вот они опять в меньшинстве большие дела делают. Теперь не государство распорядилось экспедицией, а некое акционерное общество, и Земцов шутейно называл всех трудяг ударниками капиталистического труда. Он сам, успешная буровой журнал заполнить и керн упаковать, возился с трубами, помогал устанавливать и складывать мачту станка.

Предзакатное небо над городком стало мрачно-серым, и площадка освещалась уличным фонарём, последним в конце улицы, за которой расстилалось пустое, непаханое поле. Митя управился со своими поверхностными геодезическими премудростями и примкнул к делам глубинным, завертевшимся от этого быстрее и легче. Земцову всегда была по душе атмосфера кузбассовских шахтёрских посёлков, настоящая не только на угольной пыли, но и на человеческом добросердечии. Люди здесь были душевнее, чем в других поселениях на просторах страны, оттого, знать, что у них не всегда получалось выбраться из шахты подобра-поздорову. Не зря в памяти Земцова засели строчки из стиха кемеровской поэтессы:

*Идёт шахтёрская пехота,
Дожить до пенсии охота.*

Имелись и другие особенности здешнего жития-бытия, вроде трамваев на узких поселковых улочках или мужиков, интересующихся ихними буровыми

делами. Вот и сейчас неподалёку торчит человек в летней полурабочей тужурке, наблюдающий их танец под треск бурового станка, в разговор, однако, не вступающий. Видать, остерегается помешать.

Беда, как положено, пришла неожиданно – сломался переходной штуцер с редуктора на буровую трубу. Земцову даже показалось, что он слышал хруст железа, и весь процесс мигом разладился. Колонна труб, уходящих под землю, замерла недвижимо, а обломок трубки, соединённый с движком, бесновато завертелся. Витя мотор заглушил, скрутил изломанную деталь, и когда вместе её разглядели, реакция была одинаковой, невзирая на возраст и образование. Разве что Анжерин матерился просто, а Земцов витиевато и задумчиво.

Вечерний зритель, выслушав такой комментарий, подступил со скромным вопросом:

– Я вижу, у вас важная железяка сломалась, можно глянуть?

Земцов ответил спокойно:

– Не жалко, хоть залюбуйся.

При свете фонаря изучив скол на ставшей негодной приспособе, любопытный шахтёр выдал:

– Можно новую выточить. У меня тут друг в круглосуточной ремонтной мастерской токарем работает. Сейчас вроде бы его смена. Я к нему слетаю с вашей железкой – должно получиться. Тут делов на полчаса, ну полчаса ещё подъезд-отъезд, у нас городок невеликий. Вон мои «жигули» на обочине.

Других вариантов у буровиков не было, и они закивали. Пока собирали в ящик соединительные муфты, разбросанные у забоя, очищали от глины шнеки, помощник вновь объявился и молчком вручил Земцову сверкающий новой сталью переходник. Витя прикрутил трубку на место, и его восторг уложился в короткую фразу «Всё зашибись!».

Под оглушительный треск движка Андрей Петрович хотел отблагодарить человека. Орал ему в ухо:

– Спасибо за выручку! Без твоей помощи мы бы здесь неизвестно на сколько застряли!

Так и не поняв, услышал ли его местный энтузиаст, но тот вдруг, подступив вплотную к геологу, тоже заорал:

– Ждём завтра вечером вашу бригаду на субботней встрече евангельских христиан-баптистов. Вам интересно будет, и всё наше сообщество обрадуется видеть новых людей. Он вложил бумажку в машинально раскрытую Земцовым ладонь:

– Здесь адрес молитвенного дома и мои личные координаты записаны.

Андрей Петрович остолбенел от такого поворота событий, но говорить о чём-то не смог. Боковым зрением заметил, что Митя с очередной трубой невпопад возится, и поспешил ему помочь, а когда колонна вновь закрутилась, шахтёра-баптиста у же рядом не оказалось.

Мощность полезного слоя отметили, вошли в подстилающую подошву гранитов, и на этом закончили. Когда в ночном мраке из Осинок выскочили на трассу, что-то потянуло его глянуть на бумажку. До Черново предстояло целый час в темноту пялиться, и необходимо чем-то голову свою занять. Подсвечивая себе фонариком, увидел знакомую с детства и чрезвычайно редкую фа-

милию помощника: Ходибор, а имя-отчество вообще привели мозги в ступор – Николай Алексеевич. Друг детства Лёха Ходибор, с которым они потерялись давно и, как считал Земцов, безвозвратно, может быть отцом этого мужика из Осинок. И по возрасту вроде подходит. Ниже номер мобильного записан. Выгнувшись дугой на заднем сиденье, извлёк из кармана штанов телефон и набрал этот номер. Новый знакомец ответил мигом, словно дожидался звонка. Андрей Петрович представился, как положено, и когда Николай Ходибор увлечённо повёл речь о необходимости строить жизни по евангельским законам, улучив паузу, вклинился и спросил, из какого города его отец, сколько ему лет и живой ли он сейчас. Недоуменный проповедник сообщил, что отец родом из Томска, нынче живёт в Горно-Алтайске совсем одиноко. Матушку похоронили в позапрошлом году, брат шоферит в Омске, и отца они навещают лишь в день его рождения пятого мая, либо он сам внуков проводит, когда душа требует. Всё сошлось – им помог Лёхин сынок и, когда Земцов объявится в Горно-Алтайске, они увидятся. Адрес теперь записан.

Лёха родился годом раньше, но в детстве этого не ощущалось. Росли они на деревянной улочке, и все ихние забавы происходили в Михайловской роще – зимой на лыжах с горок летали, летом в мутную Ушайку ныряли с этих же горок. Сейчас, пока на ночёвку катили, в памяти возникали разные детские картинки, вроде совсем забытые, а они, оказывается, никуда и не пропадали. Вспомнилось вдруг, как он куда-то шагал по своим пацанским делам и увидел бегущих навстречу ему Лёху с Танькой – сестрой-погодкой. Ещё издали они наперебой кричали: «Андрюха, у нас обновки!». Когда поровнялись, он понял причину их радости. На Лёхе красовались новые башмаки, на Таньке шапочка с помпоном. У них был праздник. Тогда в основном донашивали вещи со старших братьев и сестёр, а таковые у Лёхи с Танькой имелись. Надеть обновки было мало, нужно похвалиться перед кем-нибудь из уличной пацанвы. Вот тогда праздник будет полным и нерушимым

Разница в возрасте ощутилась, когда пришла пора срочную служить. Лёху на год раньше призвали, и угодил он на корабль Тихоокеанского флота. Андрюха надел солдатскую форму следующей весной, а домой одновременно пришли, причём солдат начал осваивать гражданскую жизнь на несколько дней раньше матроса. Узнав, что и скиталец морей объявился, прибежал к нему, и увидел Лёху в тельняшке, дремлющего на веранде, на раскладушке. Уголки губ изогнулись в улыбке – видать, что-то приятное дембелю снилось. Андрюха потрепал его за плечо. Открыв глаза, тот пробормотал: «Ну, ты, брат...» – будто никуда и не уходил.

Обиду на «моремана» за такие дурацкие слова заслонила значимость события. Впереди их ждали неведомые жизни: геологическая и строительная.

Сейчас, ночь перекантовавшись в Черново, дорулили до Горно-Алтайска, когда вечереть начинало. Номер в гостинице их ожидал, и Земцов дерзнул направить свою машину по записанному адресу. Это оказалась панельная пятиэтажка в стае однотипных строений семидесятых годов. Удостоверился всё же у бабок, обычной шеренгой восседающих на лавочке у подъезда.

– Сударыни, я правильно иду, Алексей Ходибор здесь живёт?

Оригинальную вежливость оценили.

– Правильно, сударь, и вовремя. Он только что в подъезд зашёл. Обычно, как работающий пенсионер, в это время из своего стройуправления домой приходит.

Это бабки показали своё знание подробностей соседской жизни. Ладно, пускай хоть этим порадуются.

Поднимаясь наверх, представил, как Лёха удивится его пришествию через несколько секунд, и вдруг увидел на последнем лестничном пролёте валяющееся мужское тело лицом к стенке, с головой на вытянутой руке. Мощный живот, вывалившись из-под рубашки, заполнил полступеньки. Перевернул его навзничь и опознал друга. Понял, что он жив, услышав шумный вздох. Стоя на коленях, на всякий случай понюхал дыхание отдыхающего пенсионера, и хмельного запаха не уловил. Причина была серьёзной. Никто из соседей ещё не натыкался на недвижимого деда.

Поначалу сам хотел увезти Лёху в больницу, и позвонил Вите и Мите, сидящим в машине рядом с домом. Не объясняя подробностей, позвал их к себе. Пока молодые ноги резво приближались, уже возникла другая, сомнительная мысль: они не знают куда здесь доставляют немощных, а на улице узнавать будет сложнее, чем на обычной «скорой» везти. Подскочившие ребята остолбенели. Не дожидаясь вопросов, сам объяснил:

– У моего друга с сердцем, однако, худо. На нашем внедорожнике в больницу увезти будет сложнее, чем на «скорой». В нём весу не меньше центнера будет, а мы без носилок, и на заднее сиденье тело впихивать и скрюченным везти тоже неудобно. Надо скорую помощь вызывать.

Так и сделали. Через несколько минут над Лёхой уже согнулся непроницаемый врач, вгоняя шприц в вену. Ещё рядом маячили два дюжих санитара с полотняными носилками на шестах. Помогали им разворачивать носилки с грузным бесчувственным телом в узких лестничных площадках и погрузить его в микроавтобус. Земцов пытался выяснить у врача, что же случилось с его пациентом. Ориентировочно: инфаркт, а может, и хуже – инсульт. Зато узнал адрес больницы, куда Лёху повезут. Махом отсоединили прицеп и помчались туда на своём «магирусе». Когда заскочил в приёмное отделение, Лёху уже вместе с носилками положили на каталку. Чего-то замешкались, а он вдруг открыл глаза и, глядя в упор на Земцова, чуть поднял руку, согнутую в локте. Геолог приблизился вплотную и, увидав останавливающие жесты персонала, попросил:

– Он мне сказать чего-то хочет, вы уж позвольте на секунду.

Приблизил свою голову к Лёхиной и услышал его слабый голос: «Ну, ты, брат...» – будто никуда и не уходил.

Всё, как в то давнее майское дембельское утро. Кроме Андрюхи, конечно, никто не понял, чего там дед буровит при смерти. Он не нашёл, чего бы ободряющего сказануть другу напоследок, как того шустро укатали в реанимацию, и геолог укатил в Бельтир, посёлок недалеко от Горно-Алтайска, бурить скважины в поисках пирита – элемента железной руды, ранее уже найденного на этой территории. Теперь контуры залегания нужно обозначить.

Когда с первой скважиной управились и ударники капиталистического труда принялись укладывать манатки для переезда на другую точку, он позво-

нил в регистратуру. Деловитая сотрудница сообщила, что больному Ходибору Алексею Ивановичу проведена операция стентирования, то есть прочистки кровеносных сосудов, и сейчас он в удовлетворительном состоянии находится в реанимационном отделении, в палате послеоперационной терапии. Посещения родственниками возможны через трое суток. Земцов любовался снежной горной вершиной, похожей на верблюжью спину, и в голове вдруг гармошка заиграла хулиганскую частушку, непонятно откуда появившуюся в башке:

*Бывали дни весёлые: по восемь дней не ел.
Не то что было нечего, а просто не хотел.*

Вместе с этим ненавязчиво думалось о причинах произошедшего: что это? Судьба или случай, а может, и неведомая высшая сила проказничает. Ведь не сломайся в Осинках железяка на буровой и не сунулся бы к ним со своей помощью набожный шахтёр, оказавшийся сыном Лёхи. Тогда бы геолог не оказался в подъезде рядом с телом своего друга в нужный момент за восемьсот вёрст. Кругом сплошные «если бы», а Земцов не любил таких умственных упражнений – анализировать варианты событий, как всё могло произойти, если бы кто-то когда-то глянул в другую сторону.

Через неделю попал в нужную палату и обнаружил больного Ходибора, увлечённо кромсающего арбуз на тумбочке. Рука с огромным ножом зависла над красным чревом. Щёки разругались азартом вернувшегося к жизни строителя дорог.

– Ну, ты, геолог, как всегда, вовремя. А я тут озаботился, кто же мне поможет это изобилие счавкать. Заботливые тётки с работы припёрли, а этот товарищ, – он кивнул на соседнюю койку с телом под капельницей – своим лакомством доволен и до фруктов-ягод совсем не охоч. Видать, стал здесь изысканным гурманом.

Земцов заулыбался – Лёха в своей излюбленной потешной теме, как в юности. Присел рядом на стул и, когда захрумкали арбузом, выяснилось, что друг уже знает, как угораздило Андрюху оказаться в тот день в его подъезде. Современная связь помогла.

Восхищался медициной:

– А мне кусок вены запросто заменили. Старый, износившийся, удалили, а новый, искусственный, вместо него вставили. Вот живу, с тобой болтаю, арбуз глотаю, – он смеялся. – Такая у меня теперь обновка.

Стал серьёзным, заговорив о сыне:

– Я уж думал, что Колька в свой религиозный водоём без возврата окунулся, а он всё-таки на путёвые дела ещё способен. Видать, озеро мелковато.

Андрюха потрепал его за могучее колено.

– Да ладно тебе, бывает хуже. Баптисты ведь не братки какие-то в кожаных куртках с золотыми цепями на шее и с «волыной» за поясом. Значит, некуда было ему приткнуться со своей доброй душой в ихних угольных Осинках.

Когда порассказали друг дружке о своих нынешних заботах, весёлых и не очень, Земцов засобирался.

– Однако мне пора. Всю ночь ехать, чтобы завтра вечером к дому при-

чалить и не думать о второй ночёвке где-нибудь на обочине. А ты, Лёха, не дрейфь, ещё побываешь в своём Могадишо. Нынче с визами много проще стало.

Для читателя, с географией не дружащего, – это порт и столица Сомали. В конце семидесятых годов там побывал на своём линкоре томский моряк, чтобы потом подивить Андрюху фоткой, где он красуется на океанском берегу с маленькой пухлогубой негритянской в обнимку, которая ему подмышку еле подходила. Теперь он увлечённо подхватил эту идею.

– Ну конечно, Андрюха, рванём туда вместе, искупаемся в Индийском океане, пожрём ананасов, спать завалимся в тенёчке под пальмой, и приснятся нам одинаковые сны про обновки. Будто оделись мы в костюмы-тройки с бабочками на белых рубашках со стоячими воротничками. Помнишь, мы о таких в старших классах мечтали?

Дверь открылась, и там замаячила медсестра со столиком на колёсиках, заставленным разными склянками, явно ожидающая доступа к Лёхиному телу. Друзья распрощались. Через несколько минут геолог хлопнул машинной дверцей и скомандовал:

– Ну, всё, проходимцы, вперёд.

Наблюдая по трассе алтайские горные склоны, снизу поросшие несерьёзной, скромной тайгой, вдруг вспомнил, что упомянутый Лёхой костюм для него давно не обновка. Он облачается в это великолепие всякий раз для театральных выходов с женой. Как знать, может, и в Лёхином гардеробе тоже такой имеется. Только не признались друг дружке в этом. Так оно забавней.

В дорожной полудрёме думалось о своём сыне, тоже выбравшем геологическую дорожку. Три года назад женился, а внуками ещё не одарил. Строил свою жизнь отдельно, а сноха, упитанная и молчаливая, казалось бы, к деторождению шибко расположенная, всё чего-то раздумывала и решалась. В последние месяцы вроде обнадежила, но Земцов, так окончательно ничего не узнавший, колесит по Кузбассу и Алтаю. Сын Егор тундру приполярную топчет. Мужики при деле, а молодухи, видать, совсем забыли о своём главном природном назначении.

Всё развеялось, когда дома на пороге объявился. Жена Таня бросилась к нему с криком:

– Привет, дед! Внука нам Ирка преподнесла! Здоровый парень получился, я уже полюбовалась! Завтра и ты глянешь!

Когда всё спокойно обсудили, у него вдруг возникла дурная мысль – позвонить Лёхе и похвалиться обновкой, несравнимо важнее тех, что маячили в их давних мечтах. Другое время пожаловало.